

КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Новое
Литературное
Обозрение

ЕЛЕНА ДУШЕЧКИНА

СВЕТЛАНА

КУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ ИМЕНИ

НОВОЕ
ЛИТЕРАТУРНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ
МОСКВА

2025

УДК 811.161.1'373.231

ББК 81.411.2-316

Д86

Редактор серии Л. Оборин

Душечкина, Е.

Д86 Светлана. Культурная история имени / Елена Душечкина; 3-е изд. — М.: Новое литературное обозрение, 2025. — 248 с.: ил. (Серия «Культура повседневности»)

ISBN 978-5-4448-2542-6

Имя Светлана обладает удивительной культурной историей: оно не входило в святцы и не встречалось в памятниках древнерусской письменности, но стало частью русского ономастикона благодаря знаменитой балладе Василия Жуковского. Елена Душечкина прослеживает его путь от классического поэтического текста начала XIX века к невероятной популярности в советское время, когда оно неожиданно вошло в список новых имен «идеологического звучания». Подробно описав историю создания баллады Жуковского и литературную судьбу ее центрального образа, автор обращается к истории имени Светлана в XX веке, привлекая обширный материал, включающий антропонимические исследования, а также интервью с его носительницами. Елена Душечкина (1941–2020) — доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского университета, специалист по русской литературе и культуре.

УДК 811.161.1'373.231

ББК 81.411.2-316

На обложке: К.П. Брюллов. Гадающая Светлана. 1836. © Нижегородский государственный художественный музей, изображения 2024.

© Е. В. Душечкина, наследники, 2007, 2023, 2025

© М. С. Неклюдова, фото, 2025

© С. Тихонов, дизайн обложки, 2025

© ООО «Новое литературное обозрение», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	8
Глава I. Баллада В. А. Жуковского «Светлана» в культурном обиходе дореволюционной России	15
«Певец Светланы»	15
«Пришли нам свою балладу»	21
«Раз в крещенский вечерок...»	26
«Душа задумчивой Светланы»	31
«При мысли о Светлане»	36
«Молчалива и грустна милая Светлана»	42
«Светлана добрая твоя»: А. А. Протасова (Воейкова)	47
«Подойди ко мне, Светлана»	54
«Красивое женское имя»	66
Глава II. Борьба за имя	71
«Может ли быть наречено имя Светлана?»	71
Антропонимический взрыв и его последствия	80
Дочери первого поколения советской элиты	86
Имя дочери «вождя всех народов»	92
Светланка из «Голубой чашки» Аркадия Гайдара	103
Магия имени: роман Пантелеймона Романова «Светлана» ..	109
Балет «Светлана» в трех действиях и четырех картинах ..	111
«Мы Светланой тебя назовем...»	116
Глава III. Светланы, Светы и Светки послевоенного времени	130
Девушки великого долга	130
«Я найду тебя, Светлана!»	137
«Розовые розы Светке Соколовой»	152

«Мы уснем под колыбельную Светланы»	159
«Светланой нет смысла называть»	163
«Ее всегда почему-то звали Светкой»	183
«Svetlana Agency: Beautiful Ladies» и др.	198
«Светлана — милая душа, ты даже в имени светла!»	202
Вместо заключения. «Неспроста я тебя назвала этим именем светлым — Светлана»	208
Литература	216
Указатель имен	233

*Свете Онохиной, моей первой подруге,
посвящается эта книга*

ОТ АВТОРА

Нам остается только имя:
Чудесный звук на долгий срок.
Осип Мандельштам

Что в имени тебе моем?
Александр Пушкин

В русском обществе, где знаковые элементы всегда играли важную роль, тема личного имени получила особую значимость. Носитель имени как в жизни, так и в литературе воспринимается наследником и продолжателем не только своего святого покровителя, но и литературного или исторического тезки. Этим во многом объясняется актуальность в русской жизни темы личного имени и его культурно-исторического значения. Отсюда и непреходящее внимание в обществе к вопросам антропонимики, к теории, истории и поэтике имен.

В последние годы в контекст современной науки были введены три важных имени-образа: *Лиза*, *Нина* и *Вовочка*. Об имени *Лиза*, вошедшем в русскую культуру благодаря прославленной повести Н.М. Карамзина «Бедная Лиза» (1792), написал монографию В.Н. Топоров (1995), который показал, как в литературе на протяжении двух столетий не только формировался, но и постоянно «подпитывался» карамзинской героиней образ Лизы. Именно Карамзин задал

этому образу параметры, с неизбежностью учитывавшиеся при создании всех послекарамзинских «литературных» Лиз [см.: 332¹]. Книга А. Б. Пеньковского «Нина. Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении» (1999) посвящена другому важному имени-символу русской культуры — имени *Нина*. А. Б. Пеньковский поставил перед собой иную задачу: проследить, как уже существующий в высших дворянских кругах образ *Нины* формирует и определяет психологические и интеллектуальные черты «литературных» Нин первой половины XIX века, задав этому имени инерцию, дошедшую, как полагает автор, до нашего времени [см.: 235]. В статье А. Ф. Белоусова «Вовочка» (1996) говорится о мужском имени *Владимир*, которое рассматривается автором в связи с его закономерным (как показано в работе) переходом в диминутивную (ласкательно-уменьшительную) форму *Вовочка*, превратившуюся в анекдотическую маску [см.: 31]².

Отличие предлагаемой читателям книги от работ моих предшественников состоит в том, что в ней речь идет об имени придуманном, «литературном», которое только благодаря балладе В. А. Жуковского отвоевало себе равноправное место в ряду традиционных канонических женских имен. О происхождении имени *Светлана* в антропонимической литературе высказывались разные мнения. Одни называли его славянским, как, например, А. В. Суперанская, которая причислила *Светлану* к славянским именам, отражающим «характеристику человека по цвету волос и кожи»

¹ В тексте книги первая цифра в квадратных скобках указывает порядковый номер, под которым произведение значится в списке литературы, вторая цифра (курсивом) — страницу; тома собраний сочинений обозначаются римской цифрой.

² В последние годы наблюдается рост научного интереса к истории литературных тезок; см., например, наблюдения Т. М. Николаевой об имени *Люба* [212, 188–192] и В. Г. Шукина об имени *Вера* [376, 52–65].

(подобно *Беляне, Чернаве, Смугляне*)¹; другие относили его к древнерусским именам, как, например, Л. М. Щетинин, отметивший, что в 1920-е годы древнерусское имя *Светлана* пережило «свое второе рождение» [375, 194]; третьи, как В. Д. Бондалетов, считали *Светлану* редким дореволюционным именем [44, 138]. В. А. Никонов писал: «Имя *Светлана* знакомо только по балладе В. А. Жуковского — в святцах его не было, нет и в памятниках древнерусской письменности» [215, 68–69]. И с этим мнением нельзя не согласиться.

Проблематика моей работы лежит в русле тех аспектов антропонимики, которые соотносятся с двумя комплексами вопросов. Один связан с темой имянаречения, распространения личных имен и их функционирования в обществе [см.: 33, 275–302; 261, 56–71]; второй касается проблемы поэтики «литературных» имен и их функции в художественных текстах. Если в первом случае исследование будет идти в рамках реального антропонимического пространства, то во втором мы имеем дело с антропонимическим пространством, воссозданным в литературе. Имя *Светлана* возникло как антропоним поэтический, а поэтические антропонимы, помимо номинативной функции, всегда выполняют функцию стилистическую, несут на себе социальную и идеологическую нагрузку, являясь характеристикой персонажа.

Решающая роль баллады Жуковского в судьбе имени *Светлана* вызвала необходимость остановиться подробнее на истории создания этого произведения и его вхождения

¹ См., например: [317, 53, 57]. Увлечение подобными идеями порой приводит к безграмотным высказываниям. Так, составители учебника по истории для начальных классов Е. В. Саплина и А. И. Саплин пишут: «В Древней Руси имен было много. Нам они сейчас кажутся смешными, но отмечали они наиболее характерные признаки или внешние особенности человека: Светлана, Чернава, какие-либо свойства новорожденных: Пискун, Прыгунок, Лобик» [284, 29].

в литературный и культурный обиход. Одно из самых известных произведений русского романтизма, баллада «Светлана», разумеется, многократно привлекала к себе внимание исследователей. Однако мой путь к этому тексту был не совсем обычным. Занимаясь в течение ряда лет русским святочным рассказом [см.: 116], я не могла пройти мимо «Светланы» как первого широко известного произведения, действие которого приурочено к Святкам. Изучение жанра святочного рассказа и святочных обычаев в разных слоях российского общества убедило меня в том, что эта баллада практически сразу после выхода в свет превратилась в «сигнал» святочной темы как в литературе, так и в жизни. Ее включали в учебные книги по русской словесности и в святочные антологии; строки Жуковского использовали в качестве эпиграфов, цитат и реминисценций; баллада участвовала в городском святочном ритуале: ее декламировали на святочных вечерах, представляли в виде драматических картин и опер, исполняли в форме романса и т. д. и т. п. Выйдя за рамки репертуара образованных слоев общества, баллада «Светлана» воспроизводилась в лубочных изданиях (народных книжках), фрагментарно включалась в тексты народных драм, которые инсценировались на Святках. Результатом столь широкой известности этого произведения и стало вхождение в русский ономастикон имени его героини — Светланы.

Узкий (на первый взгляд) антропонимический вопрос о происхождении и судьбе имени *Светлана* оказался исключительно сложным и многоаспектным, в процессе исследования его истории он потребовал многих специальных разысканий. Поиск ответов нередко был затруднен самыми разными обстоятельствами литературного, исторического, культурного и бытового характера. В ходе работы к имени *Светлана* добавлялись все новые и новые, часто неожиданные и парадоксальные оттенки и смыслы,

меняющие, порой до неузнаваемости, образ первой и главной Светланы — Светланы Жуковского.

Для того чтобы проследить культурные, социальные и географические «перемещения», которые совершило имя *Светлана* на протяжении двух веков, необходимо было собрать как можно более обширный материал по истории этого имени. Поскольку оно возникло как антропоним художественного произведения, самое пристальное внимание я уделяла «литературным» Светлана́м, героиням художественных произведений, понимая, что «вопрос о подборе имен, фамилий, прозвищ в художественной литературе <...> не может быть проиллюстрирован немногими примерами» [60, 38]. «Об именах персонажей пишут много и плохо», — отметил В. А. Никонов. Сталкиваясь с трудностями описания и осмысления собранного мной материала, я понимала, почему это так: теория литературной антропонимики до сих пор остается в значительной степени неразработанной [см.: 215, 234]¹.

Помимо литературных текстов я использовала материалы антропонимических исследований (особенно активно проводившихся у нас в 1960–1970-е годы), в которых представлены статистические данные о частотности имен в различные хронологические периоды и в различных социальных слоях. Я собирала сведения об имени *Светлана* от многочисленных его носительниц, интересуясь прежде всего мотивацией наречения моих информанток этим именем и собственным их отношением к нему, что помогало уточнить социальную и культурную парадигму имени *Светлана* в разные эпохи. Все попадавшиеся на моем пути Светланы (а такие встречи происходили в магазинах, в общественном транспорте, в библиотеках и многих

¹ Материалы к библиографии об имени литературного персонажа подготовлены Н. В. Виноградовой [см.: 62, 157–197].

других местах) всегда с готовностью отзывались на мой интерес к их имени, за что я им очень благодарна. Вполне понятно, что полученный от информанток материал по большей части относится к области семейной мифологии, но тем ценнее он оказался для меня, ибо включил в себя представления о культурной репутации имени *Светлана* в разные эпохи и в разных социальных слоях.

Хочется думать, что книга о *Светлане* заполнит брешь в культурной истории имени, о котором в 1970-е годы крупнейший специалист по русской антропонимике В. А. Никонов писал, что «оно еще ждет своих исследователей» [215, 69]. Надеюсь также, что она будет полезной как специалистам-филологам, так и широкому кругу читателей. В последние десятилетия баллада Жуковского после долгого перерыва вновь оказалась включенной в школьные программы по русской литературе в качестве обязательного произведения, а потому рассчитываю на интерес к моему исследованию и со стороны учителей-словесников, всегда испытывающих острую нужду в методическом подспорье.

Я выражаю искреннюю признательность всем многочисленным *Светланам*, в особенности *Светланам* — студенткам Санкт-Петербургского государственного университета, всегда живо откликнувшимся на мой интерес к их имени и снабдившим меня разнообразной и ценной информацией. Я благодарна также слушателям моих докладов и лекций о «*Светлане*» Жуковского и *Светлане*-имени — профессорам, аспирантам и студентам ряда американских университетов (Колумбийского, Мичиганского, Калифорнийского), Таллинского педагогического университета (Эстония), Даугавпилсского университета (Латвия), а также участникам конференций, на которых я выступала с изложением отдельных аспектов темы. Особо хочу поблагодарить П. А. Белоусову, Л. В. Зубову, П. А. Клубкова, С. Г. Леонтьеву,

Э.М. Фридман и Т.В. Цивьян, помогавших мне на разных этапах работы над книгой и предоставивших ряд важных сведений. В течение всего периода моих занятий *Светланой* я пользовалась неизменной поддержкой моего мужа А.Ф. Белоусова. Без его ободрения и неоценимой помощи эта книга вряд ли увидела бы свет.